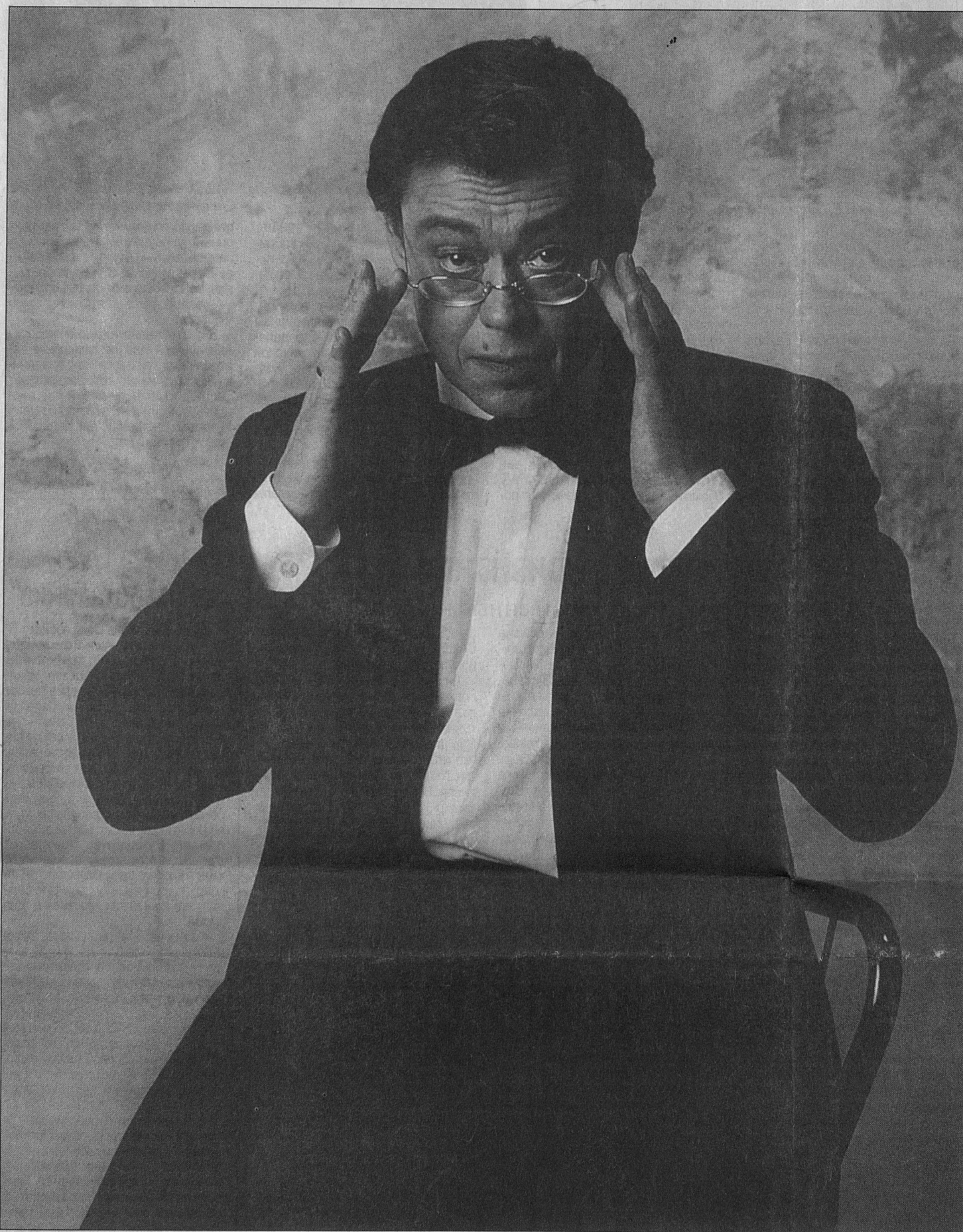

Рубрика. 2004. 28 окт. - 3 нояб. - с 1, 12

Сорванный нерв времени

Николаю Караченцову — 60

Н. Караченцов

О фантастической работоспособности Николая КАРАЧЕНЦОВА ходят легенды. Он играет в театре, снимается в кино. "Фото", "Колхоз Интертеймент", "Тартарен из Тараскона", "Петербургские тайны", "Досье детектива Дубровского", "Тайны дворцовых переворотов" — фильмы последних лет в его послужном списке. Сейчас он снимается в фильме Леонида Эйшлина "Одна любовь". Караченцов поет песни, озвучивает фильмы. Бельмондо в нашем прокате говорит его голосом. Караченцов занимается конкурсом актерской песни и детской школой искусств. Он безумно популярен. Увидев его, люди замирают, начинают переспрашивать: "Это действительно Караченцов?", просят автограф. Хотя он все делает на бегу и вечно куда-то спешит, в автографах никогда не отказывается. Николай Петрович родился на Чистых прудах за год до окончания войны, и его детство пришлось на послевоенное время.

— Мы вырезали из фанеры пистолетики, играли в войну, катались на трамвае, цепляясь сзади за буфер. Самое страшное ругательство было "фашист". Ходили стенка на стенку, отстаивая честь своего двора. Когда пришло время идти в школу, первый раз в первый класс меня отвел старший двоюродный брат, поскольку мама была в командировке. Школа была для мальчиков. Только в третьем классе нас объединили с девочками. Мама сильно повлияла на мою жизнь. Мы были очень близкими друзьями. Она была балетмейстер по профессии. Я пересмотрел с ней все балеты в Большом театре. Когда мама училась в ГИТИСе, я ходил вместе с ней на занятия и, вероятно, хотел быть балетным танцовщиком. Но в хореографическое училище мама мне категорически поступать запретила.

— **Очень расстроились?**

— Нет, я как-то сразу успокоился и стал развиваться, как обыкновенный московский мальчишка. Мы с другом пошли в секцию фехтования, но оказались слишком малы. И я поступил в Центральную спортивную детскую школу по прыжкам в воду. В тринадцать лет выиграл чемпионат этой школы, прыгал по первому разряду, но потом мама уехала в качестве главного балетмейстера в Монголию и взяла меня с собой. Я учился там в русской школе при посольстве. Когда вернулся, время было уже упущено. Как-то я пришел в Лужники на футбольный матч часа за два. От нечего делать слонялся по стадиону, а рядом в бассейне проходили соревнования по прыжкам в воду. Стал смотреть, мысленно выставлять оценки и сравнивать их с оценками судей. Увидел своего тренера, поздоровался, а в ответ услышал: "Завтра в девять на тренировку!" Я не спал ночь, волновался, пришел, прыгал, пытался, а ничего не получается. Тренер

кричит: "Ты же это все, крутил, делал". Смотрю — рядом десятилетние мальчишки выполняют все упражнения лучше меня. Я повернулся, ушел и больше не приходил. Позанимался немного боксом, и на этом мои спортивные достижения закончились.

— **А когда появилось желание стать артистом?**

— В ранней юности, но сформировалось оно ближе к окончанию школы. Я практически вырос в Щелыкове. Туда, в бывшее имение А.Островского, где располагается Дом творчества СТД, а тогда ВТО, мы с мамой ездили отдыхать. Пацианом я видел Веру Пашенную, Бориса Чиркова... С молодыми тогда актерами Провом Садовским, Никитой Подгорным я дружил. Артисты были веселые, остроумные, устраивали розыгрыши. Я думал: "Сам-то я серьезным делом буду заниматься, но с ними буду дружить всю жизнь".

Потом мама поехала работать во Вьетнам. Там русской школы не было, и меня отдали в интернат Министерства внешней торговли. Жили мы в интернате, а учились в обычной школе, в которой попали под влияние педагогической части Центрального детского театра. Надевали повязку "Актив", дежурили в театре, следили за порядком, благодаря чему пересмотрели весь репертуар. При театре был Клуб искусств, в котором лекции читали Эфрос, Филиппов, Марков. Сегодня это трудно себе представить! Два тогда совсем молодых актера театра Геннадий Печников и Валерия Миньковская создали студию для школьников. Я туда попал, а мой друг убедил меня записаться еще и в студию при Доме кино, там выдавался пропуск для просмотра кинофильмов. Мне советовали поступать в театральный. Я так и сделал и поступил в Школу-студию МХАТа.

— **После окончания вас не оставляли во МХАТе?**

— Тогда было правило: сначала распределение во МХАТ, а потом уже в другие театры. Это сейчас студенты бегают на показы, а во времена ректора Вениамина Захаровича Радомысленского к нам на дипломные спектакли приходили главные режиссеры других театров. Когда я учился на 4-м курсе, из Театра им. Ленинского комсомола уволили А.Эфроса. Он ушел на Малую Бронную, забрав с собой десять артистов и оголив тем самым труппу. Главным режиссером в Ленком был назначен Монахов, который учился в свое время с руководителем нашего курса Монюковым. Он и отобрал нас для Монахова. Нас вызвали в отдел кадров Министерства культуры и предложили работу в Ленкоме. Так что еще до окончания я знал, что мы с сокурсниками будем строить свой театр.

(Окончание на 12-й стр.)

Фото Валерия ПЛОТНИКОВА

Сорванный нерв времени

(Окончание. Начало на 1-й стр.)

— Удалось?

— Нет, хотя об этом мечтают многие студенты. Но мне грех жаловаться. Я не застал Эфроса в нашем театре, но играл в его спектаклях, а в них так расставлены акценты, что играть легко и интересно. Особенно я любил роль в спектакле "Снимается кино". Сразу ввелся в "104 страницы про любовь", "В день свадьбы", "Мольера". Молодому актеру полезно как можно чаще выходить на сцену. Еще зеленый, неопытный, еще надо добираться в профессии. Для меня не важно было, большая роль или маленькая. Важно было играть. Монахов доверял мне и главные роли. Тащишь на себе весь спектакль, и это накладывает на тебя дополнительный груз ответственности. Потом в театр пришел Марк Анатольевич Захаров, и началась новая эра.

— Чем вы объясняете успех спектакля "Юнона" и "Авось"?

— Это вопрос скорее к театроведам. Так звезды счастливо сошлись, наверное. Стихи Вознесенского прозвучали — мурашки по коже. Музыка Рыбникова за душу берет. Марк Анатольевич просто фонтанировал идеями. Как был увлечен Володя Васильев! Помню, как он кричал по телефону: "Какая Бельгия? Не поеду никуда. Я репетирую спектакль в Ленкоме". Это говорил лучший танцовщик мира. Был какой-то фанатизм в работе над спектаклем. По поводу того, что нас с моим героем одинаково зовут, оба мы Николаи Петровичи, Андрей Вознесенский сказал: "Это фатальное совпадение" — и подарил мне книжку, надписав: "Сорванному нерву времени нашего, Коле Караченцову".

— Вы играли в спектакле Тарковского "Гамлет" Лазрта, а он не предлагал вам сниматься?

— Сразу после выпуска спектакля Тарковский уехал за границу. А когда только задумывался "Гамлет", Андрей Арсеньевич стал приходить к нам в театр смотреть спектакли. Увидев меня, он сказал: "Этот молодой человек может играть Гамлета". Так мне передали его слова. Услышать такую фразу из его уст было большой честью. Я с удовольствием играл Лазрта. И все же считаю, что Тарковский не вписался в жанр театра, потому что решение спектакля он придумал лихое, и актеров собрал замечательных, но дело до конца не довел. Он гениально владел кинокамерой. Я могу пять минут смотреть в его картине на лужу, и у меня неизвестно почему будут течь слезы. У театра своя специфика, и большой победой, как мне кажется, этот спектакль не стал.

— Сегодня молодые артисты отказывают предположение кино.

— Я не помню, снимался ли Василий Иванович Качалов в кино, но его знала вся Москва. Он шел по Тверской, и с ним здоровались все прохожие. Актеры гордились уже тем, что выходят на сцену. Это была их основная работа. Вообще, тогда считалось, что кино может испортить артиста. Отрабатывается обаяние юности, где-то крикнул, где-то улыбнулся, вроде получилось. Молодой актер это запомнил. Повторил в другой роли, потом в третьей, а там совсем другое нужно, а он другого-то не умеет, и учиться ему некогда. Вот он и старается мелькать на экране как можно больше.

— Одной из первых ваших ролей был горбун в фильме "Сентиментальный роман". Довольно смелый шаг для начинающего артиста.

— Я тогда не боялся. Соглашался на все. Чем разнообразнее были роли, тем мне было интереснее. В моем дипломе написано: "Актер драматического театра и кино". Кино — это еще одна грань моей профессии, и я должен был овладеть и этой гранью тоже.

— На фестивале полицейских фильмов во Франции неожиданно для всех наш фильм "Криминальный квартет" получил приз.

— В первую очередь это было неожиданно для режиссера фильма Саша Муратова, который туда поехал. Фестиваль проводился в городе Кольяк, и впервые за всю историю отечественного кино они отобрали российский фильм. Когда Саша стал смотреть зарубежные фестивальные ленты, он понял, что мы живем в каменном веке. У них в одном кадре могло упасть три самолета и взорваться дюжина машин, а мы одну машинку не могли перевернуть, потому что это стоило бешеных денег.

Н. Караченцов в фильме "Тартарен из Тараскона"

Я уж не говорю о том, чтобы ее в кадре взорвать, но я понял почему наша картина победила. Она добрая. Она про верность, порядочность, честность, мужскую дружбу.

— Когда вы впервые запели в кино?

— В "Собаке на сене". Музыку написал Геннадий Гладков, он же писал музыку и к нашему ленкомовскому спектаклю "Тиль", в котором были музыкальные номера, и я их исполнял. Когда-то в фильмах пели оперные певцы, а драматические артисты, попадая в артикуляцию, играли свои роли. Гладков предложил мне самому исполнить песню: "В театре же ты поешь. Миша Боярский, например, будет петь сам". Но я-то знаю, что у Миши — музыкальное образование. Мне предстояло петь серенаду, а ее, как мне казалось, должен петь тенор. Я стал объяснять, как себе это представляю: "Ночь, она на балконе в пеньюаре, он внизу с мандолиной, соловьем заливаются, а я только провозгласить могу". Гладков говорит: "Для этой роли это как раз и надо". Впервые перед студийным микрофоном, в наушниках, я записал эту серенаду. Мне это так понравилось, что я стал соглашаться на все. Сейчас, не хочу хвалиться, но почти каждый день мне приносят новые песни. Я отказываюсь от большинства предложений. Стал придирчивым, но могу гордиться, что нет, пожалуй, композитора, с которым я бы не работал.

— Вокалу специально учились?

— В Школе-студии МХАТа был предмет — вокал, но если бы я не попал в Ленком, я бы так и остался драматическим артистом, мило поющим под гитару. Здесь же Захаров ставит спектакль, где на сцене рок-группа "Аракс". В театре появляются педагоги по вокалу. Мы учились работать с микрофоном, с нами занимались постановкой голоса. Если бы у нас не было спектакля "Звезда и смерть Хоакина Мурьеты", то не было бы и "Юноны". Тот спектакль был овладением жанра. Мы делали это с сумасшедшим азартом. Игорь Бриль учил меня: "Коля, ты все нотки правильно берешь, но ты не поешь — ты орешь. Тебе надо постараться экспрессию не потерять, но все нотки все-таки пропеть. Максим Дунаевский, Володя Быстрыков, Лора Квинт стояли надо мной с палочкой и требовали чистоты музыкальной интонации. Геннадий Гладков, Алексей Рыбников тоже спуска мне не давали. И я им очень благодарен за то, что они были такими требовательными и придирчивыми.

— Кто автор клипа песни "Леди Гамльтон"?

— Алла Сурикова. Я записал песню в Питере с композитором Володи Быстрыковым. Вернувшись в Москву, зашел в гости к Алле Суриковой, с которой дружу, и, поскольку песня была еще горячая и я этим жил, предложил: "Послушайте мою новую работу". Она послушала и сказала: "Коля, я никогда не снимала клипов, а сейчас бы сняла, потому что это мое время, я знаю про это, но я буду снимать как маленький фильм". Она даже пробы устраивала.

— Вы по-прежнему занимаетесь конкурсом актерской песни?

— Да. Могу даже похвастаться: наш конкурс получил президентский грант. Серьезный у нас конкурс. Мы открыли столько имен! Повышается профессиональный уровень, расширяется география. К нам

приезжают люди из других стран.

— Вы опекаете Детскую школу искусств в Красноармейске...

— Я чем могу им помогаю. Когда семь — восемь лет назад мой друг каскадер Николай Астапов, с которым мы снимались в фильме "Человек с бульвара Капуцинов", рассказал мне, что хочет создать лучшую в мире школу искусств, я тогда не думал, что у него что-то получится. Сейчас, поверьте мне, это уникальная школа. Нет, наверное, ни одной престижной площадки в Москве, где бы они ни работали.

— В чем заключается ваша помощь?

— Например, мы ездим в Геленджик. Я даю бесплатный концерт, в течение двух недель у десяти детей был полный пансион — питание, проживание, плюс они имели возможность по три раза на дню тренироваться и репетировать. Сейчас руководство города выделило школе земельный участок, но нужно вложить огромные деньги, чтобы построить комплекс от конюшен до классов живописи, с концертным залом, оборудованным по последнему слову техники, с общеобразовательными и балетными, репетиционными классами, с уютными комнатами для проживания ребят. Куда бы мы ни приезжали, к Астапову бросаются родители с вопросом: "Как поступить в вашу школу?" А никак! Для этого нужно жить в Красноармейске. Если такой комплекс будет построен, трети смогу приезжать со всей страны. Конечно, не все станут артистами, но зернышки добра в них заложены будут. Когда из этой школы выйдет первый выпускник, я буду считать, что не зря живу.

— Николай Петрович, а вы трюки в фильмах выполняете сами?

— Чаще всего пока сам. Закалка, которую я получил, когда занимался прыжками в воду, помогает мне. Мы занимались по три часа пять дней в неделю. Два часа тренировки в сухом зале. Это акробатика, батут, и потом только на час нас пускали на воду. Я до сих пор довольно растянут, координирован. Трюки, которые мне предлагает кинематограф, пока мне по силам. Если я сам пойму, что не смогу что-то выполнить, то я этого делать не буду. Зачем мне прыгать с десятого этажа на коробики, когда то же самое может сделать каскадер, с той лишь разницей, что он встанет, отдохнет и пойдет, а меня унесут. Я выполняю трюки в рамках своих возможностей.

— Мхатовские старики говорили, что для преодоления волнения актеру нужен "нахалин". Вы в профессии столько лет, наверное, уже перестали волноваться?

— Как только я перестану волноваться, меня надо будет гнать из профессии. Любой артист волнуется, но одного волнение может закрепить, превратить в колоду немую, а другому дать дополнительные крылья. "Нахалин" — это далеко не нахальство, не наглость, а способность преодолеть внутренний зажим. Этим волнением надо научиться управлять, чтобы обращать его на пользу делу. Это важное качество для актера.

— Вы ощущаете возраст?

— Пока не очень. Времени на это нет.

Беседу вела
Татьяна ПЕТРЕНКО